

Се Тин Син, которому исполнилось только одиннадцать лет после Нового года, ещё даже не начал расти как подросток, он был всего лишь ребёнком.

Мальчик передвигался с трудом из-за шины на ноге, его глаза покраснели, и он едва сдерживал слёзы, что выглядело куда грустнее, чем если бы он просто громко плакал.

Вид его вызывал искреннее сочувствие.

По правилам, когда он вошёл в дом семьи Чу, он должен был сначала поклониться старейшинам и выразить им уважение. Однако, когда эта новость дошла до внутреннего двора, старая госпожа, сославшись на то, что больному трудно передвигаться, распорядилась отменить формальности. Вместо этого мальчика сразу отправили во двор Чу Му, а также отправили слугу, чтобы пригласить лекаря.

На первый взгляд казалось, что к нему отнеслись с уважением: заботились о его здоровье, вызвали лекаря. Но с другой стороны, старая госпожа даже не встретила с ним лично.

Это на самом деле уважение к тебе, или попытка сохранить лицо перед другими? Решай сам.

Се Тин Син закатил глаза, сердито хмыкнул и с невозмутимым лицом направился во двор Чу Му.

Перед встречей с братом он тщательно вытер лицо, стараясь убрать недовольное выражение, и изо всех сил сжал глаза, чтобы они казались затуманенными от слёз. Заодно он нарочно помял свою одежду, создавая образ несчастного младшего брата, который нуждается в любящих объятиях, чтобы встать на ноги.

Шатаясь, он медленно вошёл в комнату. Слуги помогли ему сесть на стул. Через мгновение за дверью послышались звуки. Мальчик тут же поднял руку к глазам, готовясь к эффектному выступлению: «несчастный младший брат нуждается в любви».

— Син-эр, что случилось?

Голос был и знакомым, и чужим одновременно. Это был не старший брат, а тот самый отвратный тип, который хочет отнять у него брата.

С трудом выстроенное выражение на лице мальчика застыло. Он сердито обернулся и сказал:

— Почему здесь ты? А где мой брат?!

Его усилия пропали зря!

Чу Му спокойно ответил:

— Его нет дома.

Се Тин Син тут же прекратил свою «игру».

Плакать в присутствии этого человека? Никогда!

Он смерил Чу Му взглядом с головы до ног, закатил глаза и, повернувшись, начал пить чай.

— Раньше везде болтали, будто ты уже одной ногой в могиле. А теперь смотрю, ты вполне бодр, ещё долго будешь доставлять другим проблемы. Ты, похоже, совсем не понимаешь, как вести себя с людьми.

Слова мальчика были полны злости, остроты и прямоты. Но его поведение выдавало то, что он внимательно наблюдает, как будто старается что-то выяснить.

Чу Му, мастер наблюдать за другими, сразу заметил это. Особенно он умел видеть заботу, скрытую за напускной грубостью.

В этом братья были немного похожи.

— Всё благодаря заботе твоего брата, — ответил Чу Му. Уколоть в ответ — это был его стиль. Если бы он стал искренне благодарить, мальчик чувствовал бы себя неловко.

И действительно, Се Тин Син тут же вспыхнул:

— Не зазнавайся! Мой брат больше всего любит меня!

Чу Му приподнял бровь. Этот задиристый ребёнок был таким энергичным, что даже слегка двинул ногой в шине. Очевидно, его травма была не слишком серьёзной.

Се Тин Син сердито продолжил:

— С самого детства мой брат любит только меня! Заботиться о тебе — это просто из чувства долга, а в сердце он тебя не держит! Не обольщайся! Вот увидишь, когда он вернётся и увидит, в каком я состоянии, то сразу начнёт переживать!

Глаза Чу Му слегка прищурились:

— Значит, твоя цель в жизни — довести своего брата до смерти из-за переживаний о тебе?

— Что за чушь ты несёшь?! — Се Тин Син аж заикаться начал от возмущения. — Я... я вовсе не это имел в виду!

Мальчик нахмурился и сжал губы. В его взгляде промелькнула обида. Он просто хотел, чтобы брат пожалел его, немного проявил заботу. А вовсе не хотел его утомлять! Но слова этого раздражающего человека заставили его задуматься: брат действительно расстроится, увидев его травму...

Посмотрев на выражение лица Чу Му, он только сильнее разозлился. Этот «ненавистный тип» с невозмутимым видом пил чай, а заметив взгляд мальчика, ещё и улыбнулся спокойно и элегантно.

Лицемер!

Се Тин Син понял, что этот человек специально его задевает.

Проявить слабость перед родственниками — это нормально. Зачем усложнять простые вещи?!

Лукавый, хитрый взрослый мир!

Сердито фыркнув, он отвернулся и начал пить чай.

Чу Му спросил:

— Что с твоей ногой?

— Не твоё дело! — огрызнулся Се Тин Син.

— Не моё? — Чу Му прищурился, его голос стал тихим и многозначительным. — Значит, хочешь, чтобы твой брат волновался за тебя?

Се Тин Син хотел бы громко сказать «да», он скучал по брату и хотел немного внимания, что в этом плохого! Но этот человек, казалось, на каждом шагу напоминал ему, что своими действиями он лишь усложняет жизнь брату.

Мальчику казалось, что он постоянно проигрывает в общении с Чу Му. Он же всего лишь невинный ребёнок, почему его надо так унижать?

— Тебя побили или сам упал? — спросил Чу Му.

Се Тин Син сжал губы, его глаза покраснели от сдерживаемых слёз, но он ничего не ответил.

В комнате повисла тяжёлая тишина.

И в этот момент вернулся Се Тин Юэ.

Увидев ногу младшего брата в шине, он испуганно воскликнул:

— Что случилось?!

У мальчика мгновенно покраснели глаза.

Теперь ему даже не нужно было изображать жалость, достаточно было просто увидеть брата, чтобы тут же почувствовать обиду и захотеть заплакать.

Но вместо этого он махнул рукой, стараясь спрятать слёзы, и бодро сказал:

— Ничего страшного, просто неудачно упал. Нога цела, не сломана, почти не болит. Это лекарь перестраховался, настоял на шине. Через пару дней сниму.

Се Тин Юэ прекрасно знал характер своего брата. Тот был жутко непоседлив. Поэтому он подошёл, чтобы сам осмотреть его ногу.

Мальчик тут же обнял брата за талию и слегка покачался, смущённо покраснев:

— Брат... со мной правда всё в порядке.

И тут он заметил, как Чу Му смотрит на него. Улыбка у того была особенно мягкой и... довольной?

Се Тин Син буквально вскипел.

Он вспомнил, зачем вообще пришёл: чтобы пожаловаться брату, немного покапризничать, добиться его заботы и, если повезёт, остаться здесь пожить. Травма ноги должна была оставаться в тайне, чтобы не расстраивать брата. Но после слов Чу Му это выглядело так, словно его «разумное поведение» было результатом наставлений этого ненавистного типа!

Я же и так самый умный и заботливый младший брат!

Хитрец! Просто невыносимо хитрый!

И ещё не думай, что я не вижу, как тебе это не нравится!

Это мой брат, и только я решаю, как его обнимать и сколько времени! Тебя это не касается!

Се Тин Юэ не заметил, как между ними буквально вспыхивали искры. Он тщательно осмотрел ногу брата. К счастью, перелома не было, но сильный отёк и многочисленные синяки всё же оставались. Мазь, нанесённая на ногу, имела резкий запах. Мальчик терпеливо выдержал проверку, даже когда брат слегка надавил на пострадавшее место. Очевидно, травма не была серьёзной. Лекарь наверняка настоял на шине, чтобы оградить неугомонного ребёнка от дальнейших травм.

— Брат... я так скучал по тебе... — пробормотал Се Тин Син, при этом бросив вызывающий взгляд на Чу Му и подняв подбородок. Затем он уткнулся лицом в грудь брата.

Се Тин Юэ нежно погладил его по голове, чувствуя тёплую волну в сердце:

— Да, я тоже скучал по тебе.

Щёки мальчика залились румянцем. Ему было приятно и немного стыдно.

Переведя взгляд, он заметил, что Чу Му продолжает смотреть, причём его улыбка становилась всё шире. Его тёмные глаза выглядели особенно глубокими. Се Тин Син тут же одарил его гневным взглядом: «Пусть зависть тебя съест!»

Когда Се Тин Юэ, вдоволь нагладив брата, усадил его на стул, он спросил:

— Ты не голоден? Может, приготовить тебе лапшу?

Мальчик застеснялся, но его глаза мгновенно заблестели от радости и ожидания:

— Брат, ты сам приготовишь?

— Да, — кивнул Се Тин Юэ. По выражению лица брата он понял, что тот уже хочет есть. Он легонько хлопнул Се Тин Синя по плечу, попрощался с Чу Му и вышел.

После смерти родной и приёмной матерей Се Тин Юэ сам заботился о брате. Ему никогда не казалось, что это тяжело. Не замечая того, он привык проявлять заботу, словно «наседка» и любил заботиться о людях. Готовить он не умел, но когда брат в детстве мечтал о лапше, которую готовили матери его друзей, он, сжав зубы, научился готовить именно её. Лапша у него выходила вкусной.

Младший брат получил травму, поэтому будет правильно его утешить.

Когда Се Тин Юэ вышел из комнаты, Се Тин Син сразу начал хвастаться перед Чу Му прошлыми историями о том, как брат заботился о нем, как ради него готовил, даже научился делать очень вкусную лапшу вручную.

— Как тебе такое? У тебя такого точно нет!

Чу Му действительно этого ещё не пробовал. Но признаваться он не собирался, лишь улыбнулся с прежним спокойствием:

— Когда твой брат приготовит для меня, я просто не расскажу тебе об этом.

Слова Чу Му прозвучали интимно и сдержанно, оставляя простор для воображения.

Се Тин Син... Се Тин Син был так зол, что едва не превратился в рыбу-фугу!

Чу Му лёгким движением пальцев постучал по столу и снова спросил:

— Так что с твоей ногой? Кто это сделал?

Се Тин Син молча отвернулся, поджав губы.

— Не скажешь мне? Значит, расскажешь брату? Или... — Чу Му усмехнулся, — сам пойдёшь разбираться, прыгая на одной ноге, пока тебя не избьют ещё сильнее?

Се Тин Син сжал кулаки, но продолжал молчать.

Чу Му продолжил:

— Расскажи мне, я разберусь. И сделаю это так, чтобы не тревожить твоего брата. Ты же видел, как он устал. У него темные круги под глазами.

Мальчик шмыгнул носом:

— Даже если ты мне поможешь, я тебя всё равно никогда не признаю «мужем» брата!

Чу Му рассмеялся, сохраняя хладнокровие:

— И не надо. Всё, что я делаю, не ради тебя, а ради твоего брата. К тому же, примешь ты это или нет, ничего не изменится. Это уже факт.

Се Тин Син распахнул глаза от удивления, чувствуя, что снова проиграл. Этот приставала просто невыносим! Как так получается, что он, будучи самым близким брату человеком, всегда оказывается ниже перед этим типом?!

Мальчик надулся и, сердито фыркнув, сказал:

— Я не знаю, кто это сделал. Я не дрался. Эта травма действительно от падения. Но перед тем как упасть, меня закутали в мешок, так что я не видел дороги. Когда упал и снял мешок, того, кто толкнул меня, уже не было.

Чу Му спросил:

— Есть подозреваемые?

— У меня всегда были тёрки с толстячком из семьи Хэ. Мы регулярно ссоримся. А тут ещё недавно его дядя умер. И умер он у вас на сливовом банкете, который мой брат лично организовывал. Думаешь, он может меня терпеть? — при этих словах Се Тин Син гневно бросил взгляд на Чу Му. — Так что в этом деле ты тоже замешан! Помогать мне — твоя обязанность!

Чу Му улыбнулся:

— Всё, что говорит младший брат, абсолютно верно.

— Кто тебе брат?! — возмутился мальчик, сверля его взглядом. — И это только предположение. Всё произошло слишком быстро, я ничего не видел, так что уверенности нет.

— Хорошо, — кивнул Чу Му. — Я всё выясню.

— Но ты просто разберись с правдой, — предупредил Се Тин Син. — Все мои личные счёты я улажу сам!

Чу Му тихо усмехнулся:

— Только что ты говорил, что в этом деле замешан и я. А теперь вдруг оно стало личным?

Он заметил, что мальчик начал злиться, и добавил:

— Ладно, решай сам. Если не справишься, можешь обратиться ко мне. Я подготовлю для тебя помощников. Если справишься сам, это прекрасно, пусть останутся без дела. Но если снова попадёшься кому-то на уловку, то уж извини, я вмешаюсь.

Мальчик подумал немного, а потом кивнул:

— Ладно, договорились!

Они ударили по рукам три раза. Союз заключён.

Когда дело было улажено, Чу Му бросил ему носовой платок:

— Вытри лицо. Мужчина должен меньше плакать, так будет выглядеть более достойно.

Се Тин Син взорвался от злости:

— Что ты вообще понимаешь?! Те, кто знает, что слёзы бесполезны, не будут плакать. А я плачу, потому что есть кому меня пожалеть! Это знак счастья!

.....

Тем временем Се Тин Юэ принёс дымящуюся миску лапши и начался новый раунд «борьбы за любовь».

Се Тин Син похлопал по месту рядом с собой:

— Брат, сядешь рядом со мной?

Обычно беспокойный и озорной младший брат вдруг стал тихим и послушным, с видом обиженного ребёнка. Се Тин Юэ давно такого не видел. У него тут же проснулся инстинкт «наседки», и он начал баловать его.

Хотя он и не сел рядом, но стал сам накладывать брату еду. Казалось, он готов был кормить его прямо с миской в руках. При этом всё время говорил:

— Ты же мальчик. Нельзя быть слишком избалованным. Брат не может тебя слишком опекать. Вот, съешь немного этой зелени. Не привередничай.

Чу Му: «...»

Даже слуга Цинь Пин начал переживать за своего хозяина. Кажется, госпожа слишком сильно балует младшего брата. Этот мальчишка не так прост.

Однако Чу Му на этот раз не стал активно демонстрировать заботу, как раньше. Он не подавал Се Тин Синю блюда. Будучи взрослым, он предпочитал разнообразные тактики и чередовал свои подходы.

Он спокойно ел, но аппетит был плохим. Съев всего пару кусочков, он отложил палочки. Лицо его побледнело, губы стали почти бескровными.

Се Тин Юэ это заметил, забеспокоился и пересел ближе, чтобы проверить его лоб:

— Ты снова плохо себя чувствуешь?

Се Тин Син метнул на Чу Му испепеляющий взгляд: «Хитрец!»

Ты ещё и специально приближаешься к руке моего брата! Бесстыдник!

Мальчик решил перехватить инициативу. Он потянулся палочками за блюдом, стоявшим далеко, но нарочно не смог его дотянуться. Готов был уже попросить брата...

Но Цинь Пин среагировал быстрее. Он тут же переставил это блюдо поближе к нему.

Се Тин Син едва не лопнул от злости, смотря на него.

Ты самый сообразительный!

Только ты умеешь всё понимать с полувзгляда?!

Только ты такой свободный?!

Цинь Пин вежливо улыбнулся:

— Если у молодого господина есть пожелания, скажите мне. Госпожа не сможет за всем уследить, но ведь есть слуги.

Чу Му бросил на Цинь Пина одобрительный взгляд.

Се Тин Син почувствовал, как у него округляются глаза. Они одного поля ягоды! Этот слуга действует по его указанию!

Подлый, слишком подлый!

Чу Му, наслаждаясь заботой жены, предложил:

— Раз уж младший брат так редко заходит, да ещё и каникулы начались. С травмой ноги ему будет неудобно, может, ему стоит немного пожить у нас некоторое время?

— Можно? — Се Тин Син удивился, а потом обрадовался. Его лицо светилось счастьем. Возможность появилась ещё до того, как он приложил какие-либо усилия!

Он тут же отложил палочки, ухватил брата за рукав и начал умоляюще трясти:

— Бра-а-ат...

Я смогу видеть своего брата каждый день! Заодно следить за этим надоедливый человеком, чтобы он не делал гадостей и не обижал брата!

Се Тин Юэ нахмурился.

Хотя Чу Му имел особый статус в семье, и если он не возражал, никто в доме не стал бы спорить, но всё же...

— Это неуместно. Син-эр, лучше возвращайся домой.

Глаза Се Тин Синя потухли, настроение упало.

В этот момент он заметил, как в тёмных зрачках надоедливого человека мелькнул хитрый огонёк, словно у лисы, задумавшей что-то недоброе...

Мальчику стало не по себе.

И тут он услышал, как Чу Му обратился к его брату:

— Как раз в последнее время я чувствую себя лучше, времени у меня хватает. Я слышал, что у твоего брата проблемы с учёбой. Если ты мне доверяешь, позволь мне побыть его учителем на несколько дней? У детей голова лёгкая на выдумки, а если он будет учиться у вас дома, ты всё равно не сможете за ним следить. А тут он и знания получит, и сможет тебя видеть.

Се Тин Юэ тут же передумал:

— Хорошо, я сам попрошу у бабушки и мамы разрешения, чтобы Син-эр пожил у нас немного.

Учёба младшего брата всегда была для него тяжёлой темой. Успеваемость была ужасной. Если Чу Му согласится учить его, это просто прекрасно! Все вокруг восхищались Чу Му за его эрудицию и манеры. Кроме того, он редко выходил из дома из-за болезни, поэтому его досуг был заполнен чтением книг. Семья Чу имела богатую библиотеку, а сам Чу Му когда-то обсуждал философию с известными учёными, получив множество похвал. Учить Се Тин Синя для него проще простого, даже слишком.

Се Тин Юэ строго предупредил Чу Му:

— Син-эр упрям и безответственен. Если не научится, то ничего страшного. Главное — твоё здоровье. Если он не будет слушаться, можешь спокойно его наказывать. Если не хочешь сам этим заниматься, скажи мне, я его сам проучу.

Се Тин Син почувствовал легкую боль в ягодицах.

Брат сказал это серьёзно!

Брат действительно любит его, но наказывать может тоже серьёзно, особенно за плохую учёбу.

Мальчик вскочил на одну ногу, изобразив серьёзность взрослого:

— Я подумал и решил, что это слишком большая обуза. Так нельзя. Лучше я пойду домой...

Но не успел договорить, как увидел, что надоедливый человек взял его брата за руку и с мягкой, почти нежной улыбкой сказал:

— Не беспокойся, я буду хорошо заботиться о брате.

Что за фигня, «брат»?!

Кто тебе брат?!

Не называй меня так!

А его брат уже смотрел на него с «ласковым» взглядом:

— Разве ты не собираешься поблагодарить?

Выражение лица, взгляд... Всё кричало: «Попробуй только сбежать!»

Мальчик весь сжался, чувствуя, что даже здоровая нога подкашивается.

А ненавистный Чу Му подлил масла в огонь, сделав вид, что удивился:

— Разве брат не любит учиться?

Се Тин Син потер лицо, его выражение стало серьезным, как у мученика, идущего на казнь:

— Нет, я люблю учёбу. Учёба — это моя жизнь.

Чу Му заботливо улыбнулся, в его взгляде читалось нечто вроде жалости:

— Думаю, мы прекрасно поладим.

Мальчик взглянул на брата, стиснул зубы и сквозь них процедил:

— Конечно!

.....

После этого началась беготня, надо было сообщить старейшинам, выбрать двор для младшего брата, подготовить комнату. Времени прошло немало. Когда Се Тин Юэ наконец вернулся в свою комнату, было уже поздно.

Чу Му всё ещё сидел при свете лампы, ожидая его.

В руках у него была книга, глаза были прикрыты, казалось, он задремал от долгого ожидания.

Се Тин Юэ подошёл тихо, осторожно вытащил книгу из его рук.

Чу Му открыл глаза.

— Извини, — улыбнулся Се Тин Юэ, — мой брат... стал для тебя обузой.

Чу Му, только что проснувшийся, выглядел расслабленным и слегка ленивым. Его голос был немного хриплым:

— Твой брат — это и мой брат. Нет никаких проблем. Не волнуйся, мы прекрасно поладим.

Се Тин Юэ заглянул в его глаза и только через некоторое время произнёс:

— Но выглядишь ты... совсем не счастливым.

— Это не связано с этим, — честно ответил Чу Му. — Мне приснился сон. Не самый приятный.

Се Тин Юэ сел рядом с ним:

— Какой сон?

Чу Му опустил взгляд:

— Я действительно хочу знать... каково это... плакать.

Маленький ребенок иногда капризничает, но есть поговорка, что плачет и капризничает, потому что знает, что о нем позаботятся; если бы знал, что никто не обратит внимания, не стал бы плакать и капризничать.

— С самого детства я никогда не плакал, — сказал Чу Му.

Се Тин Юэ удивился. Все знали, что Чу Му болен с рождения. Но чтобы не плакал с детства? Сколько же боли он перенёс?

— Я ещё никогда не пьянел. Сколько бы ни пил, всё без толку. Возможно... из-за болезни моё тело изменилось, — тихо продолжил Чу Му. — Мне хотелось бы понять, как это плакать. Это приносит облегчение? Это утешает душу, заставляет забыть обо всех бедах?

Се Тин Юэ почувствовал, как что-то болезненно кольнуло в груди.

Внезапно ему стало очень жаль Чу Му.

Плач и сильное опьянение — это способы выплеснуть эмоции. Чу Му, конечно, тоже накапливает в себе чувства, которые нужно было бы как-то выплеснуть, но он просто... не умеет.

У него есть то, чему сложно научиться: твёрдость, мудрость, пронизательность. Но того, что другие имеют так легко, у него нет.

Тот, кто знает, что плакать бесполезно, не будет плакать. Тот, кто знает, что рядом нет надёжных друзей и близких, не будет напиваться.

Чу Му взял Се Тин Юэ за руку, в его глазах словно волны накатывали:

— Ты можешь научить меня?

— Это ничего особенного, — попытался как можно легче ответить Се Тин Юэ. — Это просто слабость человеческой природы, желание иногда немного покапризничать. Обладать этим вовсе не так уж ценно, а не обладать этим не такое уж горе. Мы живём, постоянно сталкиваясь с тем, что что-то обретаем и теряем. Очень часто первое становится причиной второго. Ты не умеешь плакать, но зато приобрёл стойкость и силу. Другие же, увлекаясь слезами и капризами, теряют драгоценное время на взросление.

— Времена года сменяются, всё это дары небес. Ты можешь любоваться стойкостью и красотой зимней сливы, но не нужно завидовать тем, кто наслаждается ароматом летних цветов. У каждого своя прекрасная сторона, просто они красивы по-разному.

— Жизнь многогранна, но никто не может обладать всем. Чу Му, в моих глазах ты уже очень-очень прекрасен.

Чу Му смотрел на Се Тин Юэ, отражение которого заполнило его глаза, и сердце его становилось мягким, словно таяло.

Он всегда знал, что Се Эр не такой, как все. Совсем другой.

— Тогда госпожа будет зимней сливой. Хорошо?

— Что? — удивился Се Тин Юэ.

Длинные изящные пальцы Чу Му слегка коснулись его лица, а голос зазвучал едва слышно:

— Потому что я могу любоваться только красотой и стойкостью зимней сливы. Если ты превратишься в летний цветок, я не смогу тебя найти.

Послесловие автора:

Се Тин Син: Сексуальный — твой брат! Я тут, чтобы побороться за любовь! (˘-˘)

Сегодня я, Се Тин Син, останусь здесь! Абсолютно... точно... никуда... не уйду! (╯╰)

Се Тин Юэ: Нет, ты должен вернуться домой. ▼

Чу Му: Я пришёл помочь младшему брату с учёбой. Всё-таки я человек прозорливый, мудрый до нечеловеческого уровня, замечаю мельчайшие детали и схватываю на лету... <(^-^)>

Се Тин Юэ: Кто-нибудь! Подготовьте брату комнату. P.S.: Seriously?! Мы всё ещё продолжаем шутить на ту же тему?!

Се Тин Син: Продолжайте болтать, не буду мешать. Извините, ухожу. ☹☹

Слуга: Хрум-хрум-хрум... Ммм, отличные дынные семечки. <(╯▽╰)>

<http://bllate.org/book/13821/1219765>